

ДАНИЛ КОРЕЦКИЙ

РОК-Н-РОЛЛ
ПОД КРЕМЛЕМ

КНИГА ШЕСТАЯ

ШПИОНЫ И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Благодарим за предоставленные фотоматериалы для обложки
«Телеканал Россия-2» и компанию «Талан»

Оформление — *Яна Половцева*

Книга издана в авторской редакции

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Рок-н-ролл под Кремлем. Книга 6 : Шпионы и все остальные : [роман] / Данил Корецкий. — Москва : АСТ, 2015. — 480 с.

ISBN 978-5-17-085592-6

Шпионы и контрразведчики, диггеры и миллиардеры, по-иски подземных сокровищ и криминальный сбыт золота — в центре головокружительных событий диггер Леший, офицер ЦРУ Грант Лернер, оперативник ФСБ Евсеев и карлик Бруно Аллегро, который на какое-то время даже становится крупной политической фигурой. Но жизнь расставляет героев по своим местам, в соответствии с логикой и закономерностями развития — и шпионов, и всех остальных...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-085592-6

© Д.А. Корецкий, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1

Линии судьбы

Линия масс-медиа

— **А** что, этот карлик и реально такой крутой? — рассеянно интересуется Алфей Бабахов, внимательно рассматривая в зеркало, как гример Саша украшает его и без того прекрасное звездное лицо. Результат шоумена не удовлетворил, нижняя губа капризно оттопырилась. — Левый глаз недокрасил, а правый снаружи слишком толсто...

— Сейчас поправлю, Алфейчик, — Саша даже язык высовывает от старательности — слишком многое стоит на кону. — Кисточка вроде колонковая, а сразу же вылезла с одного бока...

— Совершенно реально, — говорит редактор программы Валерий. Он стоит за спиной шефа, чуть левее, чтобы не мешать визажисту. — И в тюрьме сидел, и в цирке работал, и нож метает, и под землю ходил...

— А террористы? — перебивает Алфей. — И тон на скулах толстый, размазать надо...

— И террористы были, и в предотвращении взрыва участвовал. Но это секретно, официальных подтверждений нет. Если разговоришь...

— Да это я вижу, Алфей, что-то ты меня сегодня уж совсем зачморил... Не дошел еще просто...

— А что он драчливый, правда?

— Чистая! Если что не так — сразу в морду! Он вообще с пол-оборота заводится!

— Вот, смотри, где толстый тон? Его вообще не видно, а скулы обострились...

— Это хорошо. Ты его и заведи. Да сразу их не разбирайте, даже когда я начну тебя звать. Пусть подерутся... И точку под глазом убери...

— Я понял, Алфей! — это уже отвечает начальник охраны Сергей.

Он стоит за спиной Бабахова и чуть правее. Каждый член команды знает формат передачи и свое место в ней. Если отбросить дипломатические обороты, то задача состоит в том, чтобы все, кто в кадре, к концу оказались вымазанными в говне, и только ведущий стоял посередине в белом отутюженном костюме и с безупречным лицом. Чем больше говна, тем сильнее контраст, тем выше рейтинг.

— Все, нет точки.

— Только чтобы крайним не оказаться, — бурчит Сергей.

Алфей Бабахов с удовольствием рассматривает себя в зеркало, проводит языком по губам, чтобы блестели. Во всех передачах он поддерживает тех, кто сильнее и богаче, даже если приходится выкручиваться, как ужу под вилами. Апофеозом стал случай, когда член оргпреступной группировки убил перешедшего дорогу его автомобилю студента. Алфей свел мораль к тому, чтобы пешеход и водитель были взаимно вежливы. И он себе нравится. Как внутренне, так и внешне. Бабахов повернул голову вправо, потом влево. Придраться было не к чему.

— Такая ваша судьба — быть крайними, — говорит он. — А эти приглашенные уроды еще крайнее. Только один человек в центре — это я! А вокруг — милли-

оны зрителей. Я владею их умами, дирижирую их чувствами, формирую их настроение! Ясно?!

— Ясно, шеф.

— Тогда в студию! До эфира пять минут...

— Успеем, Алфей, все будет классно. Не впервой!

И действительно, ровно в 19 часов на экранах почти всех телевизионных приемников страны появилась заставка самой рейтинговой передачи «В спорах рождается...» Заставку тут же сменило ухоженное лицо ведущего.

— Здравствуйте, дорогие телезрители! — вскричал он, как будто ему только что сделали укол кофеина. — С вами я — Алфей Бабахов и приглашенные гости, которые, как всегда, уникальны и незабываемы! Это циркач Бруно Аллегро и известный политолог, писатель, философ Святослав Майский! Встречайте!

Под аплодисменты зрителей в кадре появились двое: пожилой мужчина с седой гривой до плеч, перхотью на потертом кожаном пиджаке и с повадками постаревшего светского льва и... бородатый карлик в ярком цирковом трико. С разных сторон они прошли к центру студии и уселись на заранее указанные мягкие диванчики, расположенные в нескольких метрах друг от друга. Выполняя инструкции, зрители изо всех сил обивали себе ладони.

Майский никогда не занимался политологией, не имел философского диплома и не издал ни одной книги, что не мешало ему быть узнаваемой медийной фигурой. Его приглашали во все передачи: сегодня он обсуждает проблему вооружения населения, завтра выступает за запрет аборт, послезавтра дискутирует насчет посещения Земли инопланетянами... Кроме знания любой проблематики, Майский щедро демонстрировал заносчивый нрав, дурные манеры и агрес-

сивность, благодаря чему каждая передача заканчивалась скандалом.

Сейчас он исподволь рассматривал очередного партнера и испытывал несвойственную себе неуверенность. С циркачом Святослав встречался впервые, но почувствовал, что в нем столь же мало интеллигентности, сколько в нем самом, зато нахрапистости и агрессивности, пожалуй, побольше. Это открытие его обескуражило. Тем более что Валерий прозрачно намекнул: от него ждут решительности и напора, а с оппонентом в этот раз можно вообще не церемониться! Но карлик не был похож на обычного цивилизованного человека, он напоминал обезьяну из джунглей Борнео или дикаря-пигмея... Как можно с таким «не церемониться»? Скорей, нецивилизованный дикарь бесцеремонно обойдется с писателем и философом!

А Бруно Аллегро ни на кого не обращал внимания — сидел, болтал ногами и вертел головой, осматривая непривычную обстановку и демонстрируя всем желающим свой специфический профиль, похожий на кукиш. За участие в передаче ему посулили тысячу долларов, и он просто ожидал расчета, который должен был наступить в любом случае через пятьдесят минут, что бы ни придумали эти дылды. А на ту ерунду, которую прошептал ему в ухо глупый помощник главного дылды, указывая на седого павиана с прической камерного петуха, он вообще не обратил внимания. Потому что лучший выход из любой сложной ситуации — это хороший крюк справа, который всегда при нем. А раз так, то и заботиться заранее не о чем!

— Уважаемый Бруно, — заглядывая в шпаргалку и лучезарно улыбаясь, начал Алфей Бабахов. — У нас есть сведения, что вы достигли немалых успехов в цир-

ковом искусстве, но судьба изменилась, и вам пришлось отсидеть в тюрьме, разумеется, совершенно незаслуженно...

— Ты знаешь, может, и заслуженно, — перебил его Бруно, громко почесав затылок. — Эти два фраера только выступали не по делу, а я им черепухи разнес... Не, заслужили, базара нет, но я тоже не совсем прав был. Надо было одному приложить, а на второго посмотреть — вдруг он убежит? Ну, и пусть бежит... А я сразу и второго уложил!

— А как считаете вы, уважаемый Святослав Аскольдович? — обратился Бабахов к Майскому. — Прав был уважаемый Бруно в этой ситуации или все-таки не прав?

Впервые за долгую телевизионную карьеру Майскому не хотелось оценивать поведение оппонента. Наверное, потому, что тот вынырнул в привычный мир слов из непривычного мира дел и мог в любой момент поступить с его бесценной «черепухой» так, как когда-то обошелся с «черепухами» неизвестных «фраеров».

— Гм... Ну... Думаю, что можно было принять альтернативное решение, — пробормотал он, и Бабахов понял, что дело плохо: от Майского пользы не будет, передача под угрозой. Надо было выправлять положение.

— Спасибо за вашу оценку, уважаемый Святослав Аскольдович! А что, уважаемый Бруно, вы исполняли в цирке?

— Разные номера работал. Человек-ядро, потом с орангутангом боролся, да много всякого делал, — буднично ответил карлик. — И в Америке выступал. Через Ниагарский водопад по канату ходил, с одного небоскреба на другой перелетал. Башни-близнецы знаете? На одной пушку поставили — бабах! И я уже на

другой... — Он зевнул. — Ну, это давно было, еще до того, как их взорвали.

— А вы могли бы показать телезрителям какой-нибудь номер? — ослепительно улыбнулся Бабахов.

Бруно задумался.

— Пушки нет, сетки нет — значит, человек-ядро отпадает, — совершенно серьезно рассуждал он. — Ни агары тоже нет, и небоскребов... Вот побороться можно. Орангутанг у вас есть?

Шокированный Бабахов развел руками:

— К сожалению, этот момент мы упустили. А без орангутанга никак нельзя?

Бруно улыбнулся. Улыбка вышла нехорошей: какой-то пугающий оскал.

— Как же бороться, если нет орангутанга? Кого бороться? Правда, могу вот эту мартышку припечатать, — он показал пальцем на Майского.

Тот покраснел и закашлялся.

— Позвольте, что за оскорбления? Разве я для этого сюда пришел? Или мне уйти?

— Вообще-то наша передача исключает подобные вещи...

Бабахов незаметно подмигнул Бруно, явно поощряя его к действиям. Но у того мысль уже сделала очередную зигзаг.

— А давайте-ка лучше я нож брошу! — Он сунул руку в карман трико, через секунду из корявого кулака выщелкнулся блестящий клинок. — Пусть этот клоун к стенке станет, а на башку мы ему яблоко положим... Яблоко хоть есть?

— Это уж слишком!

Майский вскочил и, размахивая руками, скрылся за кулисами. Впервые неустрашимый полемист столь бесславно покидал место дискуссии. Но Бруно не обратил на это внимания.

— Да пусть бежит, коли зассал! — Он махнул рукой. — Без него обойдемся! Давай, ты и становись! А на чеклан хоть яблоко ложи, хоть арбуз! Бруно Аллегро не промахивается...

Лицо Бабахова окаменело, даже улыбка неестественно застыла, как приклеенная.

— Сейчас мы найдем ассистента... Сережа, Валера, вы где? Или Сашу приведите, или еще кого...

Но никто не спешил подставить голову вместо шефа. Пауза затягивалась. Бруно нетерпеливо подбрасывал нож на ладони.

— Ясно, все зассали! — наконец озвучил он свой бескомпромиссный вывод. И сделал быстрое движение рукой.

— Ап!

Нож, вращаясь, пролетел около десяти метров и вонзился в бутафорскую перегородку, пробив ее насквозь. Зрители бурно зааплодировали.

— И все дела! — подвел итог Бруно, раскланиваясь, как в лучшие времена своей жизни.

Бабахов тоже аплодировал и вымученно улыбался.

— Да, уважаемый Бруно не бросает слов на ветер! А расскажите нам главную свою тайну: как вы участвовали в борьбе с терроризмом и предотвратили страшный взрыв под Москвой!

— Да какая тайна, уже все газеты расписали, — пожал плечами карлик. — Это была банда Амира Железного. Они в метро взрыв устраивали, потом решили Кремль взорвать. Пришли ко мне: отведи, мол, мы тебе мильен заплатим. Думаешь, рублей? За рубли я бы и разговаривать не стал. Долларов, конечно!

Алфей Бабахов всплеснул руками:

— А зачем им миллион платить? Неужели сами до рогу в Кремль не найдут?

Бруно высокомерно улыбнулся.

— Так им же не по улице идти! Под землей, по тайным тропам-переходам! Их никто не знает, только я! Ну, и еще несколько человек...

— Да, это совсем другое дело, — согласился Алфей.

— Ну, я и сделал вид, что согласился. Они мне чемодан денег, а я их в детский дом отдал. Мне-то за чем, у меня и так все есть! Ну, пошли, короче... Там мрак, холод, сырость... Да еще эти... Пугалки! Душу наизнанку выворачивает. Если бы не кокс, совсем бы пропал... В смысле, кока-кола. Она силы придает...

Алфей покосился на часы. Все нормально. Еще три минуты, как раз успеет закруглиться. И, несмотря на трусость Майского, передача прошла хорошо, рейтинг будет не ниже обычного...

— Короче, заманил я их на глубину и убежал. Они вслед палили из всех стволов, пули кругом свистели, жесь... Только где им в меня попасть, тем более я отстреливался, двоих завалил! Короче, ушел я. А они пропали на глубине...

Бабахов глянул на часы. Тридцать секунд. Как раз. Оставалось красиво выйти из кадра.

— Спасибо, отважный Бруно! Дорогие телезрители, напоминаю, у нас в гостях был неподражаемый Бруно Аллегро! И вы могли убедиться, что дело не в росте человека, а в силе его духа! Хотя Бруно лилипут, он смелее...

Заключительная фраза оборвалась на полуслове. Человек-ядро бросился вперед и ударил лобастой головой в солнечное сплетение главного сплетника страны. Тот согнулся и тут же, получив крюк справа, рухнул тряпичной куклой на пол студии, которая видела самые разные шоу, но такого еще не видела.

— Нельзя говорить «лилипут», нельзя говорить «карлик», дылда! — рявкнул разъяренный Бруно. — Мы маленькие люди, но никто не смеет нас оскорблять!

В оценке рейтинга Бабахов ошибся: рейтинг этой передачи взлетел на недосягаемую высоту. Кадры нокаута десятки раз показали ведущие телеканалы страны. А Бруно Аллегро стал самым узнаваемым из маленьких людей всего мира. Начался бум на маленьких людей, и он оказался на самой вершине новой модной волны. Бруно Аллегро получил десятки приглашений в телепередачи и сотни предложений работы. И воспользовался и теми и другими. Хотя и сам не мог представить, что его ждет...

Линия политики

— Идея должна быть свежей! — сказал Кирилл Сулимов.

Спортивный, подтянутый, он, как всегда, выглядел строго официально: темный серый костюм, выглаженная белая сорочка, скромный однотонный галстук, зеркально блестящие туфли, короткая стрижка, аккуратный пробор, едва уловимый аромат дорогого одеколора. Так и должен выглядеть личный советник президента, который каждый день встречается с Самим. Или может встретиться.

— Кто ж спорит, — устало ответил Крыгин.

Валентину недавно исполнилось двадцать девять. Он был полной противоположностью собеседнику, хотя и был на десять лет младше — грузный, с отеками на лице, мешками под глазами, растрепанной шевелюрой, в мятом спортивном костюме и босой. Сейчас он лежал в глубоком кожаном кресле перед телевизором, положив ноги на банкетку и шевеля пальцами с давно не стриженными ногтями. В одной руке Крыгин держал широкий стакан, из которого время от времени прихлебывал соломенного цвета

жидкость, во второй — пульт, с которого переключал каналы один за другим.

Если бы с ним не говорил уважительно столь высокопоставленный чиновник, если бы разговор не происходил в трехкомнатном люксе «Президент-отеля», если бы он пил самогон, а не «Джонни Уокер» голубая марка», его можно было бы принять за безработного забулдыгу. На самом деле Валентин Крыгин являлся креативным директором избирательных кампаний и личным имиджмейкером первого лица. Его нашли в Пензе, где он слыл «генератором идей», которые, как известно, в наше время никому не нужны, а потому влачил однообразную, тоскливую и бесперспективную жизнь безработного забулдыги.

Но из каждого правила есть исключения, одно из которых и вознесло Валентина на верхний этаж власти. Его забрали в столицу без всяких протекций, без «барашка в бумажке», и даже при нормальной сексуальной ориентации. И он оправдал ожидания, а потому задержался в Москве, пил элитный виски и не платил за дорогуший номер.

— Только все свежие идеи давным-давно потеряли свежесть, — меланхолично сказал он, продолжая щелкать кнопками в поисках чего-то интересного. — Можно, конечно, придумать заговор... ЦРУ, проплаченная оппозиция и все такое... Народ это любит.

— Не годится, — Сулимов подошел к окну и с высоты восьмого этажа смотрел на Москву-реку, на чешуйчатый купол храма Христа Спасителя, на бегущие по Большой Якиманке машины — некоторые из них, может быть, ехали как раз в Кремль. Хотя вряд ли: все такие машины Кирилл хорошо знал.

— Можно раскрыть подготовку покушения... Народ любит пострадавших. Или тех, кто мог пострадать...

— Не годится, — повторил Кирилл.

— Почему?

— Крупные выборные кампании начнутся не скоро. А то, что ты предлагаешь, — разовые акции. Пик интереса, потом он сглаживается, сходит на нет, и даже круги расходятся. Нужна идея долгосрочного проекта.

— Да понимаю я, понимаю... Только в голову ничего не приходит! — Крыгин потер виски, еще больше растрепав и без того лохматые волосы. — «В спорах рождается...» посмотреть не хочешь?

Сулимов подошел, глянул на экран, где крупным планом здоровался с публикой ухоженный и намаки-женный Бабахов.

— Я этого идиота терпеть не могу!

Ведущий стал представлять участников передачи.

— А это что за чучело? — спросил Кирилл. — Карлика какого-то притащил... Циркач, что ли?

— Да, интересно! — Валентин отложил пульт в сторону.

Некоторое время они смотрели молча.

— Надо отдать должное, нагнетать обстановку он умеет! — негромко произнес Сулимов, когда карлик метнул нож, а Майский убежал из студии. — Думаю, все это разыграно...

Крыгин не ответил. Он буквально впился в экран. Даже недопитый стакан с виски отставил на журнальный столик.

— Нельзя говорить «лилипут», нельзя говорить «карлик», дылда! — орал на экране разъяренный Бруно, избивая ведущего. — Мы маленькие люди, но никто не смеет нас оскорблять!

— Ничего себе! — изумился Сулимов. — Это точно не заготовка! Алфей слишком себя любит, чтобы подставляться под кулаки!

Крыгин от души рассмеялся, заплодировал.

— Ура! Вот это находка! Ай да молодец!

Сулимов вопросительно поднял бровь.

— Что ты так разошелся? Чем он тебя так обрадовал?

— Я не ему хлопаю, а себе! Это я молодец! Давай выпьем, Кирилл!

— Хватит пить! Твоя задача — выдать перспективную идею, а не пьянствовать!

— Есть идея, есть! Великая, свежая, беспроектная идея! Вот она!

Лучший имиджмейкер страны вытянул руку, указывая пальцем на огромный плазменный экран, на котором крупным планом застыло перекошенное злобой лицо бородатого карлика.

Линия семейных финансов

— Кто там?

Голос раздавался из переговорного устройства рядом с дверью.

— Это Леший. Я звонил утром, мы договаривались.

Лязгнули невидимые замки, дверь медленно распахнулась.

Барыга стоял один, в домашних трениках и каких-то смешных удмуртских тапках с загнутыми носами. Он совершенно облысел за эти годы, постарел, стерся как-то.

— Давненько здесь не бывал, — сказал Леший, входя и оглядывая прихожку. — Эх, молодость!.. Помнишь ту старинную серебряную сахарницу, в девяносто девятом? Отличная была вещь! А николаевские рубли, которые тебе Хорь схабарил? Помнишь Хоря?

— Я всех помню, — сухо проронил барыга. — В чем проблема?

— Проблем нет, — весело сказал Леший. — Есть золото, чистяк, «трижды девять».

— Сколько?

— Много.

— Откуда?

— Из «минуса», откуда еще. Не паленое. Отвечаю. Барыга смотрел мимо Лешего, чего-то соображал.

— Хорь в две тысячи втором был в последний раз. Ты и того раньше. Это десять лет получается, — сказал он.

— И что?

— Много воды утекло. Кому сбывал все это время?

— Никому. Вышел из «минуса», завязал. Другие дела подвернулись. Сейчас вот развязался.

— И сразу чистый голд нарыл?

— Хорош допрос устраивать, — сказал Леший. — Раньше тебе насрать было, откуда хабар, вопросов не задавал!

— Раньше ты был диггер. А сейчас неизвестно кто. Мне сказали, ты в Контору ушел.

— Это никого не еб...т. Как ушел, так и вернулся. Я тебе дело предлагаю, а не замуж выходить.

Барыга молчал.

— Если бы я тебя в разработку хотел отдать, прислал бы молодого кренделя, ты бы ни о чем не допер, — сказал Леший. — А так я пришел сам. Соображай.

— Ладно, — сказал барыга. — Пробы на месте?

— Типа того.

— Что это значит?

— Большой кусок, десять кило. Я отпиливал от него понемногу. Маркировка нарушена.

Дальше прихожей Лешего пока что не пускали. Это была даже не прихожая, а комната для предварительных переговоров... нет, скорее карантинная камера: впереди стальная решетка и плотная штора, сзади — входная бронированная дверь, справа — обклеенная клеенкой стена, слева — запертая кладовая, в которой,